

Евдокимов Алексей Петрович

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
ДЕРЕВНИ В МОРДОВСКОЙ АССР**

В статье анализируются основные оценки сталинской модернизации деревни в общероссийской и региональной (Республики Мордовия) историографии. Приведены наиболее важные экономические показатели сельского хозяйства Мордовской АССР к концу 1930-х гг. (валовые сборы зерновых культур, поголовье скота, материально-техническая база); рассмотрены социально-демографические последствия коллективизации многонациональной деревни Среднего Поволжья (репрессии, голод, миграция).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/20.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 83-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

с боевыми действиями по присоединению среднеазиатских государств, и Аральская флотилия принимала в них активное участие. С 1850 г. начинаются исследования р. Сырдарья и Амударья [5, д. 32, л. 43-50].

Исследования Аральского моря проходили в период напряженной обстановки в этом регионе. В связи с военными походами русских в Туркестан необходимость исследования водных путей в Среднюю Азию была очевидна.

Бутаков был избран почетным членом Берлинского географического общества и получил золотую медаль Лондонского географического общества за проведенные исследования Аральского моря и устья Амударьи. Вся деятельность Бутакова на Аральском море – героический научный подвиг, яркий пример беззаветного служения отчизне.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что исследования А. И. Бутакова имели большое значение для науки, так как он первый нанес на карту всю территорию Аральского моря, досконально изучив его побережье и острова. Таким образом, белое пятно на картах этого среднеазиатского региона было ликвидировано.

Список литературы

1. Дмитриев В. И. А. И. Бутаков. М., 1955. 55 с.
2. Иванов И. Корабли посреди пустыни // Военно-промышленный курьер. 2006. № 4. С. 10-12.
3. Каразин Н. Окраины России. Аральское море // Вокруг света. 1886. № 17. С. 267-268.
4. Макшеев А. Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. 230 с.
5. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 19. Оп. 2.
6. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 5.
7. РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1.
8. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2.

STUDY OF THE ARAL SEA UNDER LEADERSHIP OF ALEXEI IVANOVICH BUTAKOV

Dmitriev Pavel Vladimirovich
Voronezh State Pedagogical University
rusich-variag@yandex.ru

The article studies the process of researching the Aral Sea in the middle of the XIX century by Alexei Ivanovich Butakov. In this paper, the author reveals the goals and objectives of the expedition of 1848-1849. Basing on archival materials, the results of the study of the Aral Sea under the leadership of Butakov and the importance of his discoveries for science are described. Special attention is paid to the reconnaissance of the Aral Sea, as well as the discovery of new islands made by Lieutenant Commander A. I. Butakov.

Key words and phrases: The Aral Sea; topographical survey; schooner; reconnaissance; expedition; Aral Flotilla; Sea Cadet Corps; description of coasts.

УДК 94(470.345)“19”(045)

Исторические науки и археология

В статье анализируются основные оценки сталинской модернизации деревни в общероссийской и региональной (Республики Мордовия) историографии. Приведены наиболее важные экономические показатели сельского хозяйства Мордовской АССР к концу 1930-х гг. (валовые сборы зерновых культур, поголовье скота, материально-техническая база); рассмотрены социально-демографические последствия коллективизации многонациональной деревни Среднего Поволжья (репрессии, голод, миграция).

Ключевые слова и фразы: российская деревня; Мордовия; сельское хозяйство; коллективизация; колхозы; репрессии; голод; социально-экономический кризис.

Евдокимов Алексей Петрович

Мордовский государственный педагогический институт
rus_history@mordgpi.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ В МОРДОВСКОЙ АССР[©]

В современной историографии проблемы коллективизации сельского хозяйства в годы первых пятилеток, при всем многообразии мнений и суждений, за четверть века довольно четко обозначились два основных подхода. К сторонникам первого можно отнести целую плеяду ученых, на научные убеждения которых оказали (и продолжают оказывать) влияние исследования таких известных российских историков-

аграрников как В. П. Данилов [2], И. Е. Зеленин [4], Н. А. Ивницкий [5] и др. К настоящему времени практически во всех областях и республиках России появились научные работы (диссертации, монографии, статьи и т.д.), в которых на региональном материале показаны все экономические издержки коллективизации для аграрного сектора, ее социально-демографические последствия, роль репрессий в ходе сталинской модернизации деревни и т.д. [3; 7; 8; 12]. «Красной нитью» через многие из них проходит утверждение об антикрестьянском характере коллективизации, о виновности тогдашнего руководства страны в страданиях и гибели миллионов советских крестьян. Среди многочисленных публикаций по проблеме для понимания произошедших кардинальных изменений в крестьянской России довоенного десятилетия, масштабы трагических событий 1932-1933 гг., их проявлений в рамках Средневолжского региона наибольшее значение для нас имеют фундаментальные работы В. В. Кондрашина [10; 11].

Следует отметить, что позиция приверженцев иной точки зрения не нова и своими корнями уходит еще в 1930-е гг. Сегодня ряд исследователей, негативно оценивая методы коллективизации и огромные жертвы среди крестьянства в ходе «раскулачивания», полагают, что это была определенная плата за преодоление индустриальной отсталости СССР в условиях враждебного окружения и ожидания неминуемости войны в Европе [16, с. 70-71].

Региональная специфика решения аграрной проблемы в 1930-е гг. постоянно находится в поле зрения ведущих российских журналов, ориентирующих читателя на весь спектр мнений и суждений по все более становящейся актуальной в последнее время теме решения задачи обеспечения продовольственной безопасности страны [9; 13; 17].

Анализ исследований средневолжских историков показывает, что на уровне отдельных регионов также сложились разные оценки произошедших трансформаций в 1930-е гг. Очевидно, что для ученого сообщества Мордовии это во многом объясняется заметным изменением облика традиционно аграрного региона Среднего Поволжья России в ходе сталинской модернизации, в котором сельское население в указанное время составляло более 90% (создание автономии мордовского народа, коллективизация и «раскулачивание», первые шаги по созданию промышленной базы, повышение культурного и образовательного уровня населения). Несмотря на наличие отдельных публикаций в республике, не потерял актуальности комплексный анализ модернизационных процессов, выявление соотношения их позитивных и негативных последствий.

Среди историков-аграрников России наибольшее признание получили труды Т. Д. Надькина, посвятившего два десятилетия исследованию многонациональной деревни Мордовии сталинской эпохи [11, с. 9]. Материалы его многочисленных публикаций свидетельствуют о «перманентном кризисе», в котором оказалось сельское хозяйство Мордовии в результате коллективизации, о негативных последствиях раскулачивания, обострении продовольственной проблемы, снижении численности сельского населения, изменении отношения колхозников к труду [14].

Еще более резок в оценках последствий коллективизации и репрессий (он их именует «казнями») начала 1930-х гг. для мордовского народа В. К. Абрамов, считая, что они нанесли непоправимый урон крестьянской элите, привели к фактическому закрепощению мордвы, не бывшей никогда в крепостной зависимости [1, с. 340].

В то же время В. С. Каблук полагает, что модернизация деревни катастрофически сказалась лишь на сельскохозяйственном производстве «в период ее начального осуществления» и что она была успешной как в целом в стране, так и в Мордовии в частности [6, с. 18].

По мнению В. А. Юрченкова, аграрная политика в период первых пятилеток в республиках Среднего Поволжья «имела кратковременные и долговременные последствия» [18, с. 90]. При этом если первые связаны с голодом 1932-1933 гг., то последние, по его мнению, привели к «кардинальному изменению социального облика национального крестьянства», разрушению традиционного крестьянского крестьянства [Там же].

Однако сравнительный анализ основных показателей социально-экономического развития аграрного сектора Мордовии по итогам первой и второй пятилеток свидетельствует о нерешенности многих проблем, с которыми столкнулась деревня в результате «социалистического раскрестьянивания» во второй половине 1930-х гг. Так, даже судя по официальным данным, фактически единственным благоприятным во всех отношениях для колхозного производства за все 30-е годы стал лишь 1937 год. Например, валовые сборы зерновых культур: в 1929 г. – 622,2 тыс. т; в 1930 г. – 495 тыс. т; в 1931 г. – 653 тыс. т; в 1932 г. – 589 тыс. т; в 1933 г. – 537 тыс. т (колхозы); в 1934 г. – 457,2 тыс. т (колхозы). При этом сдача хлеба государству выросла с 9,5% в 1930 г. до 31,4% в 1934 г. (в 3,3 раза) [14, с. 258-259].

Закономерным и трагическим итогом первой пятилетки стал голод, который затронул весной 1933 г. многие районы Мордовии. Колхозники и единоличники из-за отсутствия хлеба, изъятого в 1931-1932 гг., были вынуждены питаться суррогатом в виде смеси из чечевичной муки, мха и просыаной мякины, выкапывать из скотомогильников павших лошадей [Там же, с. 147]. Во второй половине 1930-х гг. ситуация складывалась следующим образом: 1936 г. валовой сбор составил всего 341 тыс. т, в 1937 г. – более 900 тыс. т, в 1938 г. – 419 тыс. т, в 1939 г. – 250 тыс. т [Там же, с. 259]. Не менее голодными, чем 1933, для крестьян Мордовии стали конец 1936 – первая половина 1937 г., при этом государственные закупки хлеба выросли в 1938 г. до 43,7% от валового сбора [Там же, с. 151].

Руководители МАССР, первый секретарь Мордовского обкома ВКП(б) С. Кочергин и председатель СМ МАССР Н. Тингаев в письме И. В. Сталину 6 февраля 1947 г. были вынуждены признать, что если недороды 1932 и 1936 гг. задержали развитие и укрепление колхозов республики, то двухлетняя засуха 1938 и 1939 гг. и годы войны привели к их серьезному ослаблению [Там же, с. 191].

В плачевном состоянии к концу первой пятилетки оказалась животноводческая отрасль Мордовии. За период с 1930 по 1932 г. деревня (по разным причинам) лишилась почти 50% поголовья крупного рогатого скота, 38% поголовья лошадей, около 80% овец. Действительно, с 1935 г. отмечался некоторый рост поголовья скота (кроме лошадей), но в неурожайные 1936, 1938 и 1939 гг. снова заметное снижение. В результате к 1940 г. поголовье всех лошадей по сравнению с доколхозным 1929 годом оказалось меньше на 110 тыс. голов (на 52%), коров – на 118 тыс. голов (на 55%), овец и коз – на 722 тыс. голов (на 65%) [Там же, с. 264].

Уже к концу первой пятилетки «социалистический сектор» столкнулся с нехваткой тягловой силы. Следует отметить, завоз тракторов в МТС и совхозы Мордовии лишь отчасти решал эту проблему. В конце 1932 г. насчитывалось 1022 трактора, в том числе 589 в 23 МТС и 433 в совхозах общей мощностью 13 440 л.с. В то же время, убыль поголовья рабочих лошадей – от 39 тыс. до 45,2 тыс. голов [Там же, с. 122].

Действительно, в годы второй пятилетки произошло относительное укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Мордовии. Количество МТС выросло с 22 в 1932 г. до 46 в 1937 г., а количество тракторов в них – до 3082. При этом общая мощность тракторов в 1937 г. составила почти 35 тыс. л.с. [Там же, с. 143].

Неизбежным спутником аграрной модернизации в СССР стали репрессии, прокатившиеся по деревне особенно тяжелым катком в 1930-1931 гг. и в 1937-1938 гг. «Раскулачивание» и депортации в годы сплошной коллективизации стимулировали строительство колхозов, убирали из деревни недовольных и гасили социальный протест. Именно провал грандиозных планов партии и правительства и стал одной из причин «Большого террора» 1937/38 гг., в котором были обвинены «стрелочники» (председатели колхозов и сельсоветов, простые колхозники, «бывшие кулаки» и пр.).

Голод и репрессии спровоцировали массовое бегство сельского населения из республики. Так, во второй половине 1936 г. было выдано 80 тыс. паспортов сельским жителям, а в первом квартале 1937 г. – еще более 39 тыс. шт. [Там же, с. 160]. По данным В. К. Абрамова, в результате «реформ» сельское население Мордовии в границах МАССР 1940 г. уменьшилось с 1340 тыс. чел. в 1930 г. до 1106 тыс. чел. в 1939 г. [1, с. 276], т.е. более чем на 230 тыс. чел.

Таким образом, анализ основных показателей социально-экономического развития аграрной сферы Мордовии в конце 1930-х гг. показывает, что в результате сталинских реформ сельское хозяйство Мордовской АССР оказалось в глубоком кризисе, который усугубился в годы войны 1941-1945 гг., что впоследствии были вынуждены признать и руководители республики.

Список литературы

1. **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897-1939 гг.). Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1996. 412 с.
2. **Данилов В. П.** Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: док. и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. С. 13-67.
3. **Доброноженко Г. Ф.** «Кулак» как объект социальной политики в 1928-1929 гг.: репрессии за индивидуальную идентичность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 1. С. 70-73.
4. **Зеленин И. Е.** Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: док. и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. Конец 1930 – 1933. С. 7-47.
5. **Ивницкий Н. А.** Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. 296 с.
6. **Каблюк В. С.** Сельскохозяйственное производство в Мордовии в условиях модернизации: 1928-1941 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Чебоксары, 2008. 19 с.
7. **Каунова Н. Е.** Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае: автореф. дисс. ... к.и.н. Самара, 2005. 20 с.
8. **Кириянова Е. А.** Раскулачивание крестьянства центра России в начале 1930-х годов // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 146-153.
9. **Козлов А. П.** Раскулачивание в Казахстане: специфика, последствия (1929-1933 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5. Ч. 1. С. 109-113.
10. **Кондрашин В. В.** Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
11. **Кондрашин В. В.** Дискуссионные проблемы истории коллективизации и ее последствий в современной отечественной историографии // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х – 1930-х гг.: сб. науч. статей. Саранск, 2013. С. 4-14.
12. **Красильников С. А.** Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.
13. **Левакин А. С., Жлоба Ю. А.** Борьба сталинского режима против «кулаков» в колхозах Юга России (первая половина 1930-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. С. 65-68.
14. **Надькин Т. Д.** Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
15. **Никитина О. А.** Коллективизация и раскулачивание в Карелии: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1993. 22 с.
16. **Новейшая история Отечества. XX век:** учеб. для студентов высш. учеб. заведений: в 2-х т. / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М.: ВЛАДОС, 1998. Т. 2. 448 с.
17. **Цубикова Л. С.** Коллективизация сельского хозяйства Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4. Ч. 1. С. 189-192.
18. **Юрченков В. А.** Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // Центр и периферия. 2011. № 1. С. 86-92.

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF STALIN'S COLLECTIVIZATION OF THE VILLAGE IN THE MORDOVIAN ASSR

Evdokimov Aleksei Petrovich

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev
rus_history@mordgpi.ru*

In the article the basic assessments of Stalin's modernization of the village in all-Russian and regional (The Republic of Mordovia) historiography are analyzed. The author gives the most important economic indicators of the agriculture of the Mordovian ASSR by the end of the 1930s (the total yields of cereal crops, livestock number, material and technical base) and considers the socio-demographic consequences of the collectivization of the multinational village of the Middle Volga region (repressions, famine, migration).

Key words and phrases: Russian village; Mordovia; agriculture; collectivization; kolkhozes (collective farms); repressions; famine; social and economic crisis.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о дефинициях культуры, способных показать дополнительные инструменты понимания ее кризиса. На рубеже XIX-XX вв. многие данные указывают на возникновение нестационарного в экзистенциально-смысловой сфере самосознания. Выход из затруднительной ситуации – распространение прагматических ценностей цивилизации. Однако подобный способ формирования жизненных смыслов является ложным по отношению к духовной свободе. Это обстоятельство предопределяет новую волну кризиса, длящуюся и в настоящее время.

Ключевые слова и фразы: метанарратив; кризис культуры; неопределенность смысла; прагматизм; духовная свобода.

Извеков Аркадий Игоревич, к. филос. н., доцент

*Институт специальной педагогики и психологии имени Рауля Валленберга (г. Санкт-Петербург)
Arkady.izvekov@gmail.com*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ «ВОЛИ К БЛАГОПОЛУЧИЮ» КАК РЕАКЦИЯ НА СИТУАЦИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СМЫСЛА®

Ситуация неопределенности смысла сложилась в результате кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX веков. Об этом кризисе заговорили еще в середине XIX столетия, но по мере приближения к XX-му применительно к культуре все чаще стали использовать определения «закат», «смерть», «катастрофа». Чуть позже появились ширящиеся подозрения в том, что прагматические ценности цивилизации тотально «завладели» духовными основами бытия. Почему возник вопрос о кризисе, по каким причинам стали говорить о гибели культуры, насколько оправданы негативные оценки в адрес прагматических ценностей? Все это очень важные вопросы в гуманитаристике наших дней, ищущей пути преодоления современных экзистенциальных проблем человека. В этом отношении обращение к теоретизированию на тему культуры почти полутравековой давности не только полезно, но и может иметь методологическое значение. Одно из ведущих мест здесь принадлежит аксиологии.

В дефинициях Г. Риккерта культура вполне соответствует эталонам немецкой классической философии – это совокупность объектов и явлений в материальной и духовной сферах, каковыми могут быть мораль, язык, право, искусство. Однако, в отличие от классического варианта, он полагал, что все многообразие культуры возникает потому, что существуют трансцендентные ценности [15]. Риккерт настаивал, что только с «оглядкой» на сверхчувственное человек определяет смысл предметного, самого по себе не содержащего смысла, мира и выражает его во вне. В. Виндельбанд отдает должное и кантовскому критицизму: «Под культурой, – указывает Виндельбанд, – мы в конечном счете понимаем не что иное как совокупность всего того, что человеческое сознание в силу присущей ему разумности вырабатывает из данного ему материала...» [4, с. 58].

В начале XX века далеко не только неокантианство пыталось доказать внеэмпирическое и даже божественное происхождение ценностей. Н. Лосский, например, утверждал, что ценность есть нечто, выходящее за пределы противоположности субъекта и объекта, так как обуславливается отношением субъекта к тому, что выше всякого субъективного бытия, то есть к «Божественной Абсолютной полноте бытия» [11, с. 29].

Подобный стиль мышления прямо или косвенно присутствует не только в метафизике, но даже и в эмпирически ориентированных социологических доктринах. Э. Дюркгейм полагал, что причиной моральных обязательств являются «идеи о трансцендентном», вне зависимости от того, какую форму они принимают, ибо все они – метафоры [7]. В социологии культуры А. Вебера утверждается еще более схожая с неокантианством позиция [3]. По его мнению, способ решения вопроса о смысле в любом случае основывается на «сверхвитальных стремлениях».